

ОТЗЫВ

члена диссертационного совета на диссертацию

Гребенщикова Ивана Валерьевича

**«ВЛИЯНИЕ ГОСУДАРСТВА НА РАЗВИТИЕ ДИСКУРСА ОБ
ЭКСТРЕМИЗМЕ»,**

представленную на соискание ученой степени кандидата политических наук
по специальности 22.00.05. – политическая социология

Актуальность темы диссертационного исследования определяется тем, что за ключевой категорией, вынесенной в название работы – категорией «экстремизма» в современном обществе стоят не только проблемы ее правильной теоретической интерпретации или поиска методов познания. Экстремизм реализуется в социальных и политических практиках, порождает риски для функционирования базовых институтов, рассматривается государственными игроками как одна из значимых угроз действующим макросоциальным контрактам. В результате социальное действие, обозначаемое этим понятием, трактуется как противоправное, требующее государственного реагирования, ограничения, санкций, в конце концов – репрессии. Правовые системы самых разных государств вводят в свои кодексы понятие экстремизма в качестве оснований для диспозиции. Санкции за экстремизм могут рассматриваться как одни из наиболее жестких в уголовных кодексах многих стран. В итоге возникает проблема дискурсивной операционализации этого понятия, интерпретации функционала разных акторов в его институционализации. Понимание социальных механизмов формирования, функционирования и трансформации национальных дискурсов об экстремизме, равно, как, отметим, и национальных дискурсов экстремизма, является важной задачей политической социологии. Тем более важным является выявление механизмов участия институтов государства в данных

PK 09/2-159 от 12.03.2020

процессах. Именно этими обстоятельствами и обусловлена актуальность диссертационного исследования И. В. Гребенщикова.

Во-введении и первой главе рецензируемой работы детально и на хорошем уровне охарактеризована степень научной разработанности проблемы исследования. Автор опирается на весьма широкий круг теоретических источников от классических и неоклассических работ в области теоретической социологии, до серьезных публикаций в областях юридических, политических, культурологических, коммуникационных наук. Особое внимание уделяется имеющимся в теоретической литературе «предпосылкам переосмысления значения экстремизма и влияния государства на целевой дискурс» (с.10).

Корректно определены объект, предмет и цель исследования. Представляется, что сформулированные задачи анализа не только позволяют реализовать поставленную цель, но и оставляют перспективу для последующего авторского исследования.

Представляется, что сформулированная общая гипотеза данного исследования («отечественные конвенциональные черты понятия «экстремизм», а также профильной дискурсивной формации детерминированы влиянием государства», с. 12) достаточно тривиальна и вряд ли требует развернутых доказательств. Из социологии права хорошо известно, что вся совокупность терминов, попадающих в соответствующие кодексы, как обозначения преступлений против основ государственного строя, и дискурсивно и субъектно, и процессуально в качестве важнейшего актора предполагает институты государства. И в этом плане дискурсивная траектория термина «экстремизм» не сильно отличается от соответствующих траекторий, скажем, термина «государственная измена». Именно эта априорная тривиальность общей гипотезы, видимо привела автора к необходимости ее (гипотезы) конкретизации в виде двух частных гипотез. Последние уже не выглядят столь очевидными, и введение их в оборот представляется обоснованным.

В качестве методологической базы исследования автор избирает конструктивистскую методологию П. Бурдьё, а также при анализе дискурсивных практик опирается на подходы М. Фуко и Ж. Бодрийяра. Выбор подобных теоретико-методологических оснований для решения поставленных задач представляется обоснованным. Заметим, что методологическая база по собственному эмпирическому исследованию, на наш взгляд, прописана менее четко, но об этом будет сказано позже.

Несколько странным выглядит отсутствие во введении к работе характеристики структуры исследования. Объемность и достаточная сложность построения материала, на наш взгляд, требовала системного выражения авторской логики исследования именно в этом структурном элементе.

В целом структура работы достаточно логична и последовательна.

Среди положений, выносимых на защиту, особенно выделим, по-видимому, ключевой вывод: «Концепт экстремизма является универсальным символом, алиби и практическим средством достижения (поддержания) государственной безопасности, воспроизводства власти, а также наращивания государственного влияния» (с.18). Данный тезис в той или иной редакции неоднократно фигурирует в тексте диссертации и является, по-видимому, концентрированным выражением авторской позиции.

Обратимся к краткому обзору содержания работы.

Введение к диссертационному исследованию содержит практически все необходимые компоненты, отражает авторское отношение к исследуемой проблематике.

В первой главе работы «Система значений экстремизма в отечественном дискурсе» в четырех параграфах последовательно рассматриваются характеристики понятия экстремизм в научном дискурсе, в нормативно-правовом поле, анализируется проблема классификации в дискурсе об экстремизме, а также проблема генезиса и динамических траекторий интерпретаций экстремизма и радикализма. С нашей точки зрения, можно говорить о соответствии содержания данной главы поставленным

исследовательским задачам. Автор демонстрирует высокую культуру обращения с источниками, умение сопоставлять позиции и анализировать характер аргументации. В заключении к данной главе автор на основе «анализа системы интерпретаций» в научной литературе И. В. Гребенщиков формулирует итоговые для данной части работы определения экстремизма и радикализма (с.127). По-видимому, важным для автора рецензируемой работы является вывод о расширении дискурса об экстремизме «до инклюзии конструкта радикализм» (с.129).

Во второй главе диссертации «Влияние государства на дискурс об экстремизме автор считает необходимым остановиться на следующей проблематике: методология организации работы с эмпирическим материалом, комментированное обсуждение контента юридического и бюрократического полей в дискурсе об экстремизме. Отдельно обсуждается вопрос об «агентах влияния государства в дискурсе об экстремизме» (отметим, что, на наш взгляд, это не самая сильная часть исследовательской работы). Ключевой вывод по главе достаточно содержателен, он воспроизводится в соответствии с общей логикой работы: «в рамках юридического поля производится, во-первых, изобретение концепта «экстремизм», как универсальной угрозы государственной безопасности» (с.215). Бюрократическое поле воспроизводит «распространение юридического дискурса», а поддержкой легитимизации данного дискурса занимаются агенты государственного влияния – научное поле и поле СМИ (там же)».

Заключение содержит основные выводы по тексту диссертации, в нем также отмечаются некоторые перспективные направления (по мнению автора) дальнейших исследований в данной области.

Корпус используемой литературы является объемным и содержательным (всего около трехсот источников). Здесь содержатся как классические, так и современные работы, как работы на русском, так и на иностранных языках.

Новизну диссертационного исследования автор формулирует в пяти положениях, достаточно аргументировано комментируя их. С точки зрения

рецензента, данные положения исследования действительно отвечают требованиям самостоятельной проработки ряда важных теоретических аспектов.

Таким образом, заслуга автора данного диссертационного исследования заключается не только в системном и корректном анализе имеющихся теоретических подходов к исследуемым понятиям, но прежде всего в попытке (достаточно успешной) создания некоей авторской методики, позволяющей на ее основе, с одной стороны, расширить традиционные подходы к основным анализируемым понятиям (в частности, экстремизм и радикализм), но и на основе авторской позиции провести практическое исследование эмпирического материала, характеризующего основные треки современного российского дискурса об экстремизме.

Особого внимания заслуживают результаты апробации данного диссертационного исследования. И речь идет даже не столько о публикациях и выступлениях автора на научных конференциях (а они полностью соответствуют требованиям, предъявляемым к данному виду работ), сколько о результатах сотрудничества И. В. Гребенщикова с «Городским центром социальных программ и профилактики асоциальных явлений среди молодежи «Контакт». Итогами этого сотрудничества являются подготовленное методическое пособие и ряд лекций по профильным темам исследования, что говорит о практической значимости работы.

При общей в целом позитивной оценке рецензируемой диссертации, она не свободна от ряда слабых мест и недостатков. Обозначим наиболее существенные из них.

Прежде всего, обратимся к проблемам в области методологии работы с эмпирическим материалом. Переходя от аналитического обзора литературы, сделанного в первой главе к задачам анализа дискурсивных практик и обратившись к построениям Бурдьё, автор заявляет: «...фундаментальной задачей анализа является демонстрация подавляющего влияния государственной логики на формирование общесоциального дискурса по

конкретному вопросу» (с. 131). Данная формулировка вызывает множество вопросов, ответы на которые нам не удалось обнаружить в тексте диссертации. Что такое государственная логика? Где она определена в тексте работы? Как эмпирически операционализована эта самая логика, каковы ее эмпирические референты, через какие единицы анализа и единицы счета данные референты выявляются в анализируемых текстах? Что такое «подавляющее влияние», чем оно отличается от любого другого влияния? Каковы эмпирические референты этого «подавляющего влияния»? Как доказывается именно "подавляющее влияние"? Также стоит отметить, что «демонстрация» чего-либо вряд ли может быть фундаментальной задачей анализа.

Второе замечание также связано с методологией и методикой работы с эмпирической базой диссертации. Завершая параграф 2.1., прямо названный «Методологические подходы к организации анализа», автор пишет: «Исходя из предложенной логики организации исследовательских процедур кажется верным рассмотреть актуальный эмпирический предмет исследования в контексте конструирования каждым из указанных полей с перспективой выйти на уровень обобщения в виде определения влияния государства в ключевых качествах профильной дискурсивной формации.» (с. 136-137). И ставит точку, уже переходя к исследованию. Это не может не вызвать вопросов. Прежде всего, как это планируется сделать? На основании каких измерительных процедур? Что выступит в качестве эмпирической базы? Какой метод исследования будет применен? Если будет выборка текстов, то какая? Почему эта выборка репрезентативно? И, наконец, где собственно методика? На основании каких индикаторов и критериев будет определено это «влияния государства в ключевых качествах профильной дискурсивной формации»? Наконец, насколько уместно в данном контексте употреблять оборот «кажется верным»?

Третье замечание связано с исследованием текстов юридического поля в параграфе 2.2. На стр. 141 автор пишет: «Исходя из представленного выше аналитического инструментария, нетрудно произвести дешифрацию

следующей формулировки ...» - и далее приводит фрагмент текста. Возникают следующие вопросы: какой инструментарий имеется в виду, где он описан в явном виде? Где в целом методическая и процедурная часть исследования? Что значит "нетрудно произвести дешифрацию"? В эмпирическом исследовании такой оборот неуместен. Как произведена эта самая «дешифрация»? Из текста неясны методические основания, маркеры, индикаторы, эмпирические признаки. В результате автор на основании одному ему понятных критериев делает эмпирически не подтвержденные выводы. Скажем, он отождествляет процесс формирования локального нормотворческого дискурса с пропагандой. (с. 141.).

В целом анализ юридического поля производится на основании методологически строго не прописанных оснований. С нашей точки зрения, примененная методология ближе к интуитивной дескриптивно-вкусовой, чем к аналитической. Автор приводит выдержки из законов и просто комментирует их (например, с 142 и далее). В итоге вместо строгого анализа автор прибегает к риторическим оборотам типа "важно понимать", "дешифровку ...возможно начать", "важно разглядеть...", "необходимо обратить внимание", и т.д. и т.п. (с. 141 - 150). С нашей точки зрения, социологическое исследование текста, равно как и дискурс-анализ должны предполагать существенно более строгую методическую и процедурную базу. Автору можно было бы рекомендовать обращать более пристальное внимание на необходимость перехода от методологического раздела программы эмпирического исследования к методическому и процедурному разделам.

В-четвертых, анализ дискурса в силу его онтологического статуса невозможно проводить вне исследования качественных параметров публичного пространства, пространства дискуссий, общественных обсуждений. И здесь, во-первых, отметим, что в работе анализ исходящих от государственных структур и институций документов существенно ограничен - преимущественно текстом федерального закона. Вместе с тем, есть тексты выступлений чиновников и политиков, материалы официозных СМИ, заявления лидеров общественного

мнения и т.д. Все это остается вне поля анализа. Приведенный в последнем параграфе диссертации анализ СМИ представляет собой учет количественной динамики медиатекстов без обращения к их содержательным характеристикам. Сам по себе этот учет обладает, вероятно, определенной значимостью, но комплексного представления о проблематике экстремизма в российской медийной повестке, разумеется, не дает. Автор обходит вниманием сетевые дискуссии, не учитывает активности правозащитных организаций в публичном пространстве, избегает журналистских обсуждений. Отметим, что вне поля анализа оказываются даже выступления главы государства по теме экстремизма. Между тем, не без включения субъектов публичного дискурса в 2018 году произошла частичная либерализация законодательства об уголовной ответственности за преступления экстремистской направленности и соответствующей правоприменительной практики.

В-пятых, использование автором конструктивистских построений Бурдье вызывает вопросы в контексте оперирования категорией субъектности. Используя термин «поле», автор опирается на концепцию Бурдье и на странице 133 пишет: «согласно позиции П. Бурдье поле – специфическая среда, в которой проистекают социальные отношения и взаимодействия между различными позициями». Однако в дальнейшем тексте диссертации понятие «поле» обретает выраженные субъектные, агентивные свойства, которых сложно ожидать от «специфической среды». Можно было бы предположить, что таким образом автор отождествляет поле и совокупность его агентов. Но характер употребления термина приводит к мысли о том, что в представлении диссертанта данная совокупность состоит из унифицированных, однотипных игроков/институций, имеющих идентичный характер целеполагания и функционирования. Так, на с. 187 сказано: «Доводя до предельной радикализации данное положение – можно предположить, что правоохранительное поле настолько заинтересовано в стимулировании фобий бюрократического поля, что использует свое положение посредника для преувеличения или вовсе изобретения реальности «радикального зла» или на с.

190: «В настоящем случае научное поле оказалось перед выбором между автономным исследовательским интересом и подчиненным участием в развертывании символической революции экстремизма». Представляется, что поле не может выступать в качестве актора, тем более консолидированного – это методологически некорректно и упрощает картину сложного взаимодействия агентов в рамках полей.

Вызывает вопросы и культура употребления терминов. Автор в ряде случаев гонится за «научообразной красотостью», очень легко оперирует терминологией из смежных предметных полей, не давая себе труда определить ни сами термины, ни содержательные границы семантики применяемых лексических конструктов. В качестве примера приведем такие обороты, как «капитализация актуального бюджет научного знания» (с. 40), «степень энтропии игроков юридического поля» (с. 157), «общая бюрократическая энтропия о содержании (с. 158)». Хотелось бы пожелать автору оставаться в рамках норм академического письма работ по социологии. Скажем, понятно, что существующие трактовки энтропии не исчерпываются исходными положениям второго закона термодинамики или статистическими построениями Больцмана. Однако первооснова этого понятия – именно здесь. И если этого не понимать, может возникнуть конфуз. Тем более, что энтропия, как известно, есть атрибут некоторого объекта, и формулировка "энтропия о ..." представляется несостоятельной.

Отметим, что высказанные замечания не сказываются критическим образом на общей позитивной оценке работы, хотя и несколько «смазывают» впечатление от нее.

Общий вывод.

Диссертация Гребенщикова Ивана Валерьевича на тему: «Влияние государства на развитие дискурса об экстремизме» соответствует основным требованиям, установленным Приказом от 01.09.2016 № 6821/1 «О порядке присуждения ученых степеней в Санкт-Петербургском государственном университете», соискатель Гребенщиков Иван Валерьевич заслуживает

присуждения ученой степени кандидата политических наук по специальности
22.00.05. – политическая социология.

Пункт 11 указанного Порядка диссертантом не нарушен.

Член диссертационного совета
доктор социологических наук, профессор
зав. кафедрой связей с общественностью
в бизнесе ФБГОУ ВПО
«Санкт-Петербургский государственный
университет»

Д.П.Гавра

09.03.20